

18+

ИСАБЕК АШИМОВ

Эхо и генезис Тегерека

ОТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИФА
К ЭСХАТОЛОГИИ ДУХА

Исабек Ашимов
Эхо и генезис Тегерека.
От художественного
мифа к эсхатологии Духа

<https://litres.ru/74150984>

ISBN 9785007009058

Аннотация

Заново переосмыслено издание романа-аллегии «Тегерек» (2014). Автор прослеживает путь интеллектуальной эволюции: от художественной интуиции и исследования феномена «Абсолютного Зла» до формирования строгой научной доктрины. Сюжет превращается в «живой код» (Часть I), дополненный современными комментариями и философскими диалогами (Часть II). Предлагается стратегия «эстафетной гуманологии» — трансформации человеческого духа ради сохранения его подлинности в эпоху искусственного интеллекта.

Содержание

Наследие и забвение: Метафизическая вертикаль «Тегерека». (Вместо предисловия к переизданию)	5
Часть I. Тегерек: архитектура изначального мифа	9
Тегерек (Эзотерика-философский роман-аллегория)	9
К читателю	10
Инициация пространством: В тени каменных исполинов (Пролог)	15
Сакральная география: Ляйляк как лабиринт памяти	19
Геометрия Абсолюта: Феномен горы-саркофага	26
Возвращение к истокам: земли, вода и кровь рода	38
Голоса предков: Метафизика кара-кулов	44
Пророчество Ак-киши-олуя: Этическое бремя стражей	51
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эхо и генезис Тегерека От художественного мифа к эсхатологии Духа

Исабек Ашимов

© Исабек Ашимов, 2026

ISBN 978-5-0070-0905-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наследие и забвение: Метафизическая вертикаль «Тегерека». (Вместо предисловия к переизданию)

Данный труд знаменует собой возвращение автора к истокам своего интеллектуального пути — переизданию романа-аллегии «Тегерек», спустя двенадцать лет после его первой публикации под псевдонимом Кара Дабан. Изначально возникшее в 2014 году как «протофилософский» текст, это произведение ставило своей целью не просто художественное повествование, но образное проявление и детальный анализ феномена «Абсолютного Зла». Автор рассматривает роман как первичный импульс, позволивший поставить и решить фундаментальные философские вопросы, которые позже легли в основу четырехтомника «Тегерек: Мифы, тайны, тени» (2022), где на базе романа были сконструированы авторские миф и неомиф о «Проклятье Круга зла».

В изложении от третьего лица становится очевидным, что исследовательский путь автора не был прямолинейным, но представлял собой восхождение: от художественной интуиции к монографии «Метафизика зла» (2023) и далее — к монументальному труду «Философская эсхатология» (2025).

«Тегерек» в этой системе координат выступает как «первичный бульон» смыслов, давший Абсолютному злу имя и форму «Круга» — ловушки духовного дефицита и бесконечного повторения. Без этого символического фундамента последующие теоретические выкладки автора могли бы превратиться в безжизненные схемы, лишённые эмоционального и онтологического веса.

Новое издание концептуально переосмысливает сам жанр комментария. В текст романа вплетается живая полемика — диалоги двух внуков автора, представляющих новое поколение, а также оценочно-императивные суждения самого исследователя. Комментарии здесь служат инструментом демонстрации разрыва между экспоненциальной мощью технологий и деградацией человеческого духа. Технологический прогресс в контексте концепции «Философии техно-гуманитарного кризиса» (2025) предстает не как панацея, а как катализатор эсхатологического финала.

Венчает эту эволюцию мыслей «Доктрина эстафетной гуманитарологии» (2026), которая переводит философию из режима диагностики в режим действия. Признание конечности биовида в ней трактуется не как капитуляция, а как трезвое осознание границ старой парадигмы. Через осознанную «эстафету» смыслов новому носителю автор предлагает выход из «Круга», превращая переход от художественного образа к научной доктрине в единственный способ «встряхнуть сознание» человечества.

В новой редакции текст романа перестает быть замкнутым повествованием; он становится «живым кодом», снабженным комментариями, которые прорастают сквозь ткань сюжета. Это взгляд из будущего на тени прошлого: через призму современных достижений нейронаук и ИИ автор заново интерпретирует образ Абсолютного зла, превращая метафору Ажыдара в диагностическую модель техно-гуманитарного кризиса.

Автор утверждает, что спасение человеческого в человеке сегодня лежит на пути радикальной трансформации. В его видении «Тихий конец» — это не просто смерть биологического вида, а его онтологическая эвакуация. Через механизмы клонирования и прецизионного трансфера сознания создается новый субъект — Техновид. Это существо наследует не только вычислительную мощь ИИ, но и весь груз коллективного бессознательного, включая когнитивные искажения, которые автор считает «печатью подлинности» человеческого духа. Синергия естественного и искусственного интеллектов в его трудах рассматривается как единственный способ избежать превращения разума в бездушный рой, сохраняя право на волю, культуру и мистический трепет.

Предложенная структура издания представляет собой завершенную интеллектуальную вертикаль, где каждый уровень выполняет свою специфическую задачу: 1) Нарратив (Роман) создает чувственный образ Зла, подготавливая психику читателя к восприятию сложных идей через «эмоцио-

нальный ужас». 2) Символизация (Миф) переводит частный сюжет в разряд универсальных, надвременных истин о человеческой природе. 3) Теоретизация (Метафизика) проводит деконструкцию образа, выявляя онтологические причины кризиса — «пустоту» и дефицит бытия. 4) Диагностика (Эсхатология) анализирует текущий момент истории как техно-гуманитарный кризис, где человек перестает быть мерой вещей. 5) Стратегия (Доктрина) предлагает конкретный алгоритм выживания духа через трансформацию и передачу функций.

На наш взгляд, данная схема является приемлемой для философских трудов нового типа. Она объединяет левое и правое полушарие читателя, не давая рациональным выкладкам оторваться от экзистенциального опыта. Это наиболее эффективный метод внедрения доктринальных смыслов в сознание, защищенное психологическими барьерами. Книга состоит из 2-х частей. В части I изложен изначальный текст романа «Тегерек», а в части II изложены диалоги и комментарии. Они не просто информируют, а трансформируют читателя в процессе чтения — от сопереживания героям романа до осознания себя как участника глобальной «эстафеты».

Часть I. Тегерек: архитектура изначального мифа

**Тегерек (Эзотерика-
философский роман-аллегория)**

К читателю

У всякой человеческой драмы, у каждого излома судьбы или глобального кризиса всегда обнаруживается множество истоков, скрытых в тумане прошлого. Жизнь подобна вечному потоку: она неумолимо текла в древности, струится сейчас и будет стремиться вперед до того самого мига, когда наше Солнце исчерпает свой жар или же великое безмолвие черной дыры поглотит саму Галактику. Однако в этой вечности отчетливо видна горькая истина — природа человека такова, что мы пугающе часто остаемся глухи и слепы к мудрости тех, кто шел перед нами.

Даже если мы призовем на помощь совершенные технологии будущего, способные исцелять провалы в памяти, нечто бесценное — возможно, знания галактического масштаба или сакральные заветы наших прозорливых предков — всё равно рискует кануть в лету. Мы обречены наблюдать, как великое наследие, дорогие сердцу образы и сама память о близких безвозвратно стираются, не выдерживая испытания временем даже в пределах жизни одного поколения. А ведь за этим забвением кроются такие грозные феномены, как проклятие неразрывного «Круга Зла».

Природа этого Зла кажется бесконечной. Но в чем же его подлинная суть, каков его метафизический смысл? Некогда Василий Розанов в своем пронзительном труде «Апокалип-

сис нашего времени» размышлял о том, что в ткань мироздания вплетено некое роковое «недоразумение», которое, быть может, не до конца ясно даже самому Создателю. В момент сотворения мира произошло нечто непредвиденное, ставшее неожиданностью для Бога. Никто от начала времен не ведал природы этого сбоя, и, возможно, даже Творец лишен власти полностью искоренить или победить это искажение. Наша планета словно содрогнулась от неведомого испуга в период своего «вынашивания» и явила себя миру не по первоначальной божественной мысли, а вопреки ей — «несколько иначе».

Так божественный свет смешался с этим «иначе», породив абсолютное зло. Человечество бесконечно повторяет один и тот же цикл, вновь и вновь наступая на исторические грабли собственного опыта. Наш мир несовершенен, как несовершенны и мы сами, а значит, нам суждено раз за разом совершать фатальные ошибки. Но существует ли способ разорвать этот порочный Круг Зла? Как научить грядущие поколения избегать глобальных катастроф? Это вопросы, над которыми веками бились величайшие умы.

Многие мыслители пытались примирить две полярные концепции зла. Первая концепция — это христианско-боэцианская, где зло трактуется как простое отсутствие блага, как досадное заблуждение или искусный соблазн. Вторая концепция — это северно-героическую, воспринимающую зло как внешнюю, осязаемую силу, с которой необходимо

сражаться, сжимая в руках сталь. Слияние этих взглядов в литературе и философии рождает особую логику — борьба со злом должна быть священной и непрерывной, и вестись она должна, прежде всего, в потаенных глубинах собственной души. В современном человеке по-прежнему слишком мало подлинно «человеческого», а наши горделивые притязания на божественность лишь обесценивают те крупницы духовности, что в нас еще теплятся.

День сегодняшний неумолимо лепит облик завтрашнего, и потому на нас лежит колоссальный груз ответственности. Мы обязаны быть преданными своему народу, понимая, что судьба потомков — их расцвет или окончательная гибель — куется нашими руками здесь и сейчас. Нам жизненно необходимо взращивать в людях высочайший уровень интуиции, культуры и прозорливости.

В подтексте предлагаемой вам книги зашифрованы два образа-символа. Во-первых, это гора Тегерек (что в переводе с кыргызского означает «Круг»). Во-вторых, это Аджыдар (грозный Дракон, воплощающий Зло). Оба они — лишь схематичные, многогранные отражения глубоких понятий и явлений. Через всю книгу красной нитью проходит сакральная геометрия Круга, имя которой дала та самая вершина-символ Тегерек.

Считаю важным предупредить о том, что все персонажи и события на страницах этой книги вымышлены, а совпадения — не более чем игра случая. Однако это не касается на-

учно-философского фундамента произведения. Он вполне реален, хотя некоторые утверждения могут показаться вам спорными. Авторская стратегия здесь направлена на то, чтобы актуализировать смыслы, скрытые за буквальным восприятием слов.

Вспомните школьную геометрию, где окружность — это лишь абстрактное множество точек, равноудаленных от центра. Но в суровой реальности нет идеальных «точек», а любые расстояния измеряются лишь приблизительно. Так и центральная тема этой книги у многих может вызвать внутреннее сопротивление или даже отрицание. Ведь само понятие «Дьявола» сегодня загнано в тесные рамки узких учений. Большинство мировых религий предпочитают говорить о «Богe», не упоминая его извечного антагониста.

Как автор книги прошу дочитать эту книгу до конца. Быть может, вы увидите, что автор вкладывает в термин «Дьявол» иное, куда более глубинное значение? Попробуйте взглянуть на него через разные призмы. Во-первых, антропоморфный Дьявол — зловещий и могучий интеллект, чей истинный лик воплощает всю несправедливость мироздания. Во-вторых, дьявол-отступник — стихийный поток энергии, рожденный коллективным разумом людей, приносящий одним призрачную свободу, а другим — невыносимую боль. В-третьих, дьявол как внутренняя парадигма — совокупность укоренившихся в нас взглядов, олицетворяющих злобу, ложь и бесконечную суету.

Человек редко делает осознанный выбор в пользу той или иной модели веры. Чаще всего сам поток жизни равнодушно бросает нас в определенное русло, а мы, смиряясь, лишь ставим на это печать: «Мой личный выбор».

Инициация пространством: В тени каменных исполинов (Пролог)

Всего три книжные полки — вот и весь бумажный «остаток» бывшего величия нашей домашней библиотеки, который мы перевезли из городской квартиры в загородный дом. На этих островках мысли теснятся тома Канта и Шопенгауэра, философские искания Соловьева, Лосева и Мура. Особое, почти сакральное место занимают научные труды моего деда — свыше двух сотен книг, которые в семейном кругу мы иронично окрестили «Библиотекой Абсолютного Знания». Над ними незримо парит наш любимый шутливый лозунг: «Познание бесконечности требует бесконечного времени».

Мой дед — человек редкого склада, в котором гармонично уживаются строгий ученый, глубокий философ и тонкий писатель. Признаться честно, я до сих пор мало что могу сказать о содержании его трудов, ибо, я их не читал, а если и соберусь с духом, то явно не в ближайшем будущем. И дело тут вовсе не в антипатии к литературе — вовсе нет. Но когда в твоих ладонях сосредоточена вся мощь смартфона... Кто посмеет утверждать, что это плохо? Любой минутный интерес мгновенно утоляется приложениями, а всезнающий «Гугл-ака» готов выдать ответ на самый изощренный и каверзный вопрос.

Впрочем, есть и иная сторона медали. Временами меня

накрывают приступы глухой, «черной» меланхолии, когда сам процесс чтения становится физически непереносимым. Помню, как в десятом классе я предпринял попытку штурма дедовской книги под названием «Круг». Осилив едва ли десяток страниц, я отложил её «до лучших времен», так и не сумев продрасться сквозь дебри смыслов. Тогда мне почудилось, что это лишь нагромождение архаичных, почти наивных легенд и преданий — бессвязный поток мыслей, который лишь благодаря стройности слога маскировался под плоды высокого разума и сакральных размышлений. Книга показалась мне перегруженной неразрешимыми проблемами абстрактной философии, в которых я, признаться, не нашёл для себя ничего захватывающего.

Ситуация изменилась совсем недавно, когда за ту же книгу взялся мой двоюродный брат Дамир — неисправимый сангвиник и, как и я, первокурсник биофака столичного университета.

— Послушай, Расул, — убежденно твердил он мне, — это же невероятно глубокая вещь! Как ты мог пройти мимо? Прочти, обязательно прочти!

Дамир признался, что прошлогодняя поездка на малую родину деда стала для него подлинным откровением. Он встретился с сородичами, и этот неизведанный мир — и ландшафтный, и человеческий — буквально перевернул его сознание. При этом Дамир с горечью отмечал, что наше поколение привыкло познавать жизнь суррогатно. Мы не на-

капливаем живой опыт, не пропускаем события через собственные чувства, предпочитая виртуальное блуждание в социальных сетях.

— Нам кажется, — философствовал брат, — что чужие идеи врываются в наш уютный мирок всегда не вовремя. Мы сами порой боимся раскрыться навстречу новому. Мы судим о вещах, не прочитав о них ни строчки, и оказываемся совершенно не готовы сопереживать человеку, который уже осмыслил и запечатлел свой уникальный путь.

Будучи максималистом, как и большинство моих сверстников, я с трудом переносу подобные нравоучения. Когда на меня пытаются давить, прикрываясь заботой о моем образовании, — хочется просто «тушить свет». Современная молодежь — народ предельно практичный, мы признаем лишь сухие факты и с легким презрением смотрим на абстрактные разглагольствования. Мы смотрим на мир иначе: в наших поступках больше дерзости и прямоты, но за этой оболочкой часто скрываются излишняя категоричность и поверхностность суждений.

Однако жизнь быстро доказывает, что в мире полно вещей, не поддающихся простому логическому объяснению. Когда я все-таки начал вникать в труды деда, мне стало по-настоящему стыдно за те ярлыки, которые я так беспечно на них навешивал. Позже я узнал, что именно такими обидными обвинениями в «заумности» пытались уколоть деда его оппоненты, не желавшие видеть в нем прогрессивного

ученого. Самые изящные научные открытия часто кажутся непосвященным туманными и скучными именно в силу своей оригинальности.

В предисловии к одной из книг дед цитирует Эйнштейна: «Все должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще». Дед подчеркивал: даже самый «простой» научный закон требует для своего описания весьма непростой теории. И здесь же он приводит слова Ричарда Фейнмана: «Если бы я мог разъяснить суть своей теории каждому, она бы не стоила Нобелевской премии». В этом контексте дед иронично замечал, что его концепция не даст ответов на все вопросы «даже в кабинете следователя».

Спустя год, на летних каникулах после второго курса, я снова открыл роман «Тегерек», но мой внутренний «виртуальный беглец» опять взял верх, откладывая чтение на потом. Мы ведь все — наивные рационалисты. Нам подавай немедленное научное объяснение, сведенное к твердым фактам. А дед в своих работах позволял себе странное, почти пугающее заигрывание рационального с иррациональным, что сбивало меня с толку. Я втайне надеялся, что когда-нибудь получу прямые ответы от него самого — и на свои сомнения, и на догадки о его малой родине.

Сакральная география: Ляйляк как лабиринт памяти

Все началось с приезда Сагынбек-авы, который за чаем рассказывал удивительные предания нашего рода. Слушая его, я с удивлением осознал, насколько мало знаю о корнях деда и бабушки. Мне стало неловко: я годами общался с приезжавшими к нам сородичами без всякого интереса, а о тех, кто остался в аиле, и вовсе не имел представления.

И вот однажды дед объявил нам с Дамиром: — Чтобы ликвидировать этот позорный пробел в вашей биографии, я беру вас с собой в Ляйляк. Самолетом мы добрались до Исфаны — районного центра. Так мы оказались на его малой родине. И там, шаг за шагом, я начал убеждаться в реальности того, что раньше казалось лишь вымыслом из дедовских рассказов. Если прежде я был лишь холодным зрителем, наблюдавшим за жизнью рода со стороны, то теперь я познавал её из первых рук. Этот край, который дед называл «землей каньонов и пещер», оказался миром, от которого захватывает дух.

Дамир был прав. Ляйляк — это действительно иная вселенная. Мои сородичи — люди из другого измерения, которое я раньше не знал и не понимал. Брат оказался прав и в главном: живя в городе, мы понятия не имеем, чем дышат люди в далеких аилах нашей родины. Мы не умеем ценить

их понимание добра и зла, света и тени, не понимаем их самобытного восприятия мира, культуры и знаний.

В тот год лето выдалось удивительно милостивым, лишенным своего привычного испепеляющего зноя. Дождавшись, когда полуденное солнце немного умерит свой пыл, мы — Сагынбек-ава, Суванкул-ава, мой брат Дамир, дедушка и я — покинули Исфану. Наша дорога на Джар-кишлак серой, запыленной лентой вилась среди адыров и пологих предгорий, увлекая нас всё дальше от городской суеты.

Спустя полчаса пути ландшафт внезапно распахнулся, явив нам безбрежное открытое пространство. Сагынбек-ава притормозил у одинокого дерева, возвышавшегося на перекрестке дорог словно древний страж. Это был чинар — густой, раскидистый исполин. Суванкул-ава заметил, что ни один путник не проедет мимо этого дерева, не остановившись в его благодатной тени, чтобы испытать прохлады и напиться красотой окрестных земель.

— Это место зовется Талпак, — пояснил он, и в самом названии слышалось эхо бескрайнего простора, ведь «талпак» и означает возвышенную равнину, открытую всем ветрам.

Действительно, Талпак казался центром мироздания, откуда панорамный вид расходился на все четыре стороны света. Казалось, будто именно от этой точки кругами расходятся волны пашен, лощин и мелких адыров. На юге и западе этот живой ковер упирался в величественные подножия белоснежных гор, а на севере и востоке плавно перетекал в су-

ровые скалистые выступы.

— Вон там, посмотри, — Сагынбек-ава указал на юго-запад, — высится Кайнар, гора с крутыми склонами, облаченная в густые арчовые леса. А чуть правее дремлет сопка Кутчу. Именно там, на этих склонах, наш род испокон веков устраивал летние кочевья.

За ними, в дымке горизонта, тянулись бесконечные хребты, увенчанные сверкающими ледяными коронами — суровое продолжение Туркестанского хребта, за которым уже начинались таджикские земли. Сидя под сенью чинара, я кожей чувствовал, почему это место так манит странников. Здесь царила редкая свежесть: густая тень дерева в сочетании с бодрящим горным бризом заставляли мгновенно забыть о пыли и духоте долгого пути. Эта величественная картина природы никого не могла оставить равнодушным, наполняя душу тихим восторгом.

Однако эта идиллия была лишь одним из ликов края. Настоящий контраст, резкий и пугающий, поджидал нас впереди. Едва мы возобновили путь, как через тридцать метров дорога совершила невероятный кульбит, внезапно обрываясь вниз крутыми петлями серпантина. Возникло странное, почти физическое ощущение, будто мир проваливается в бездну. Ослепительный простор Талпака в мгновение ока сменился мрачными, давящими стенами каньона, которые, казалось, стремились сомкнуться над нашими головами.

Мы словно оказались в ловушке каменного мешка. Сер-

пантин вывел нас на дно сухого русла, где едва различимая колея петляла между скал. Справа и слева возвышались серые стены причудливых каньонов, испещренные расщелинами и зловещими черными провалами пещер. В машине воцарилось молчание: извилистый путь в теснине, куда почти не проникал солнечный свет, не располагал к праздным разговорам.

В тот миг я остро ощутил правоту Дамира. Человек, попадающий в этот сумрачный лабиринт, невольно страшится собственной дерзости, осознавая себя лишь крошечным насекомым перед лицом этого древнего, непостижимого мира. Тайна, сокрытая в глубине каньонов, словно искала способа прорваться наружу, внушая безотчетное беспокойство. К такому зрелищу невозможно привыкнуть — даже Дамиру, не первый раз бывавшему здесь, вновь стало не по себе.

— Видишь, Расул? Одни камни и пещеры, — прервал тишину Суванкул-ава. — Ляйляк многолик, но этот его уголок по праву зовут «краем каньонов и пещер».

Этот край дышал самой древностью. В отличие от изумрудных долин и лесов других земель Ляйляка, здесь царила суровая, почти мистическая экзотика. Тропы, извиваясь, вели нас к массивным скалам, которые под редкими лучами солнца вспыхивали всеми оттенками малинового, оранжевого и рыжего. Ветер, дождь и время создали здесь сюрреалистическую галерею, напоминающую то ли марсианские пустоши, то ли лунный пейзаж с его бурыми прожилками на

кирпично-красном фоне.

— А вот и Кара-камар, — Сагынбек-ава указал на аил, чье название означает «Черная пещера». Огромный зев пещеры, занимавший треть скальной стены, взирал на мир пустой и зловещей чернотой. На этом фоне крошечные глинобитные домики, облепившие косогор между скалами и саем, казались хрупкими пауками. Мы с Дамиром переглянулись: трудно было вообразить, как люди могут изо дня в день жить у самого подножия этой каменной громады.

Постепенно каньон начал раздаваться вширь. По широкому саю серебристой россыпью бежала речушка Сумбула, а впереди показались очертания другого селения — Замборуч. Аил вольготно раскинулся на высоком плато, зажатом между рекой и вертикальной стеной каньона. Единственная дорога, петляя меж домов, вывела нас к месту, где Сумбула сливалась с рекой Джизген, рождая полноводную Ак-суу — «Белую воду».

В самом центре Замборуча Сагынбек-ава, хитро прищурившись, решил проверить нашу наблюдательность. — Ра-сул, Дамир, глядите в оба! — рассмеялся он. — Справа от дороги, на склонах, стоят дома кыргызов, а слева, у самой воды — дома узбеков. Кто из вас найдет пять отличий в их укладе?

Мы азартно включились в игру. Дамир первым подметил архитектурные нюансы: — Кыргызские дома разбросаны хаотично, на разных уровнях предгорий, и смотрят они на юго-

запад. А узбекские выстроены в строгую линию вдоль дороги на ровной террасе и все обращены к реке.

Я поспешил добавить свои наблюдения: — Вокруг кыргызских жилищ зелени совсем мало, а узбекские дома буквально утопают в густых садах. И еще — у кыргызов вместо заборов лишь загоны из жердей и колючего кустарника, тогда как у их соседей каждый участок обнесен четким глинобитным дувалом.

— Верно! Глаз у вас острый, — похвалил Сагынбек-ава. — Но где же пятое отличие? Мы в замешательстве замолчали. Тогда он сам раскрыл секрет: — Пятое — это вода. На кыргызской стороне вы не встретите арыка, в то время как узбекские участки пронизаны ими, словно кровеносными сосудами, несущими жизнь в каждый уголок сада.

Выйдя за околицу Замборуча, мы замерли перед восхитительной панорамой: долина шириной в два километра раскинулась между горными грядами. После душного каньона это был настоящий оазис прохлады и простора. Воздух был напоен ароматом луговых трав и тутовника. От речной террасы вглубь гор прорезались новые каньоны. Две конусообразные сопки по сторонам одного из них напоминали гигантские ворота.

Дорога вилась вдоль известняковых стен, раскачивая машину на волнах грунтовок. До аила Чоюнчу — колыбели нашего рода — оставалось километров десять. Мы остановились на возвышенности, откуда открывался вид на крас-

но-бурые горные кряжи. — Вот она, природа родного края! — восхитился дед. — Здесь можно ощутить саму даль времени и вечности. Я подумал: как прав был Чингиз Айтматов, говоря, что путь во Вселенную начинается с аила. Отсюда дед ушел покорять столицу шестнадцатилетним юношей. Прошло полвека, он стал горожанином, но это место осталось для него сакральным.

Геометрия Абсолюта: Феномен горы-саркофага

— Вон там — Тегерек, — негромко произнес дед. Сквозь легкую дымку проступила огромная гора сферической формы. Она напоминала исполинскую юрту с обрывистыми стенами высотой в полкилометра, похожую на неприступный бастион. Я любовался этой необычной сферой, а у деда в этот миг сияло лицо. Во мне заговорил биолог: как птицы возвращаются к местам гнездовий, так и деда позвал зов родной земли. Это была встреча двух светлых ликов — человека и его родины.

Тегерек в окружении гор выглядел как грандиозное рукотворное сооружение, подобное египетским пирамидам. Эта гора, как магнит, притягивает всех, кто равнодушен к красоте и древним мифам. Дамир тоже не переставал восхищаться этой потрясающей панорамой, где Тегерек царил над волнами холмов.

Внизу Ак-суу широким руслом, усыпанным галечником, искала свой путь к Сырдарье. И здесь Тегерек стоял как могущественный монумент.

— Смотрите, — указал Суванкул-ава, — река собирает воды и делает резкий изгиб влево, словно специально избегая гору Тегерек. Это казалось противоестественным. В природе горы и реки вечно противоборствуют, и, как учил Кон-

фуций, вода всегда побеждает камень. Но здесь река по доброй воле огибает гору. Возможно, ее и назвали «Белой» не только за чистоту, но и за эту удивительную справедливость — не разрушать основание горы?

— Это и есть наш край, — с гордостью подытожил Сагынбек-ава, — здесь своя поэтика и своя философия. Все вокруг казалось предельно материальным. Мои сородичи — немногословные, мудрые и добрые люди — не произносили пафосных речей.

Казалось, здесь само время застыло в прошлом. Хотя время можно остановить лишь в абстрактном пространстве Римана, здесь я остро ощутил дефицит собственной чувственности по сравнению с этими людьми.

Солнце клонилось к закату, но даже в полдень Тегерек отбрасывал странную тень. На восточной стене играл желто-оранжевый свет, природа замерла в ожидании. Сагынбек-ава рассказал, что каньоны здесь настолько запутаны, что любая живая душа, потерявшаяся в них, пропадает навсегда. Я верил в это: здешние ландшафты уникальны. География учит, что эти горы — результат движения древних ледников, а река миллионы лет «пропиливала» себе путь в породе.

Местность была диковой, но исключительно живописной: ландшафт существовал сразу в двух плоскостях — горизонтальных плато наверху и вертикальных стен каньонов внизу. Высокие хребты тянулись на сотни километров от

снежных пиков на юге до горизонта на севере. Оранжевые горы слева были испещрены трещинами — следами дождевых вод, проложивших в глине красивейшие русла. Вокруг царила безумная красота, где расцветала вся палитра теней — от прозрачно-серых до глубоко черных.

Мы преодолели еще пять километров по извилистой грунтовой колее, проложенной прямо по каменистому склону, у самого подножия горного хребта. На крутом повороте наше внимание привлекло обширное плато — естественная смотровая площадка, с которой мир открывался во всей своей первозданной полноте. Сагынбек-ава вновь заглушил мотор, и мы, ведомые немим восторгом, поспешили наружу.

— Вот это красота! — это восклицание не нужно было произносить вслух, оно читалось в каждом нашем взгляде, в каждом затаившемся вздохе.

От панорамы, развернувшейся перед нами, захватывало дух. Перед глазами расстилалось бесконечное русло реки Ак-суу — широкая, ослепительно белая полоса речной гальки, отшлифованной веками. С высоты обрыва серебристые потоки воды казались нитями живой ртути, причудливо разбросанными по изумрудному бархату долины. За саем тянулись прибрежные луга, уходящие к самому основанию гор, где человеческий труд начертил строгую геометрию: аккуратные изумрудные квадраты рисовых чеков и стройные, словно замершие в почетном карауле, ряды тутовников.

— Вот мы и встретились с Тегерекком лицом к лицу, —

торжественно произнес Суванкул-ава. В его голосе, обычно спокойном, теперь явственно вибрировали нотки благоговейного трепета. — Взгляните, какой лик открывает он нам отсюда.

Под прямыми, беспощадными лучами солнца гора не просто стояла — она пылала багряным, почти кровавым пламенем. Это свечение делало её облик неземным, еще более величественным и пугающим в своей неподвижности.

— Дед, должно быть, не раз рассказывал вам об этом месте? — продолжал Суванкул-ава, не отрывая взгляда от горизонта. — Для нашего рода эта гора — не просто камень, не просто гора. Она — культ, она — наше святилище.

— Да, — негромко отозвался дед, — Тегерек...

Мы стояли в тишине, созерцая этот нерукотворный бастион. Суванкул-ава вновь заговорил, и его слова ложились на душу, как древние заклинания: — Знаешь, Расул, у нас говорят, что Тегерек — это живое существо. В каньонах, что окружают его основание, время течет иначе. Старики верили, что там, в глубоких тенях, обитают духи прошлого. Много странного рассказывали те, кто отваживался углубиться в те теснины.

В этих преданиях было много мистического, порой пугающего. Путникам чудились неясные тени, скользящие в черных зевах пещер, и невнятные звуки, похожие то на шепот, то на сдавленный стон ветра в скальных расщелинах. Станные места, порождающие странные мысли в умах людей.

Лишь позже, взглядываясь в лица местных жителей, чьи дома примостились у подножия этого исполина, я начал понимать нечто важное. Разум этих людей — чутких, добрых, открытых — до сих пор хранит в себе ту первозданную чистоту, которую еще не успела вытравить холодная прагматичная логика современности. Для них Тегерек был тотемом — «кара-кулы», священным стражем рода. Стоило заговорить о горе, как их мысли воспламенялись, подобно маякам в штормовую ночь, захлестываемые волнами родовой памяти об истинной, сакральной природе этого места.

Я вновь перевел взгляд на Тегерек, но теперь видел его иначе. Огромная гора возвышалась перед нами не просто как элемент ландшафта. В отличие от соседних хребтов, она не тянулась грядой, а взмывала вверх одиноким, мощным куполом. Она напоминала голову погребенного в недрах земли великана, чье чело увенчано короной из колоссальных каменных глыб. Громадная, стремящаяся одновременно ввысь и вширь, испещренная шрамами от тысячелетних ветров и дождей, гора гордо доминировала над всей долиной и над водами Ак-суу, что смиренно омывали её подножие.

Особенно прекрасен был Тегерек в час заката. Неровный, угасающий свет расцвечивал его стены полосами — от густого пурпура до нежной охры. Казалось, гора дышит вместе с уходящим днем.

Местные жители верили в еще одну странность: когда идешь по дороге между Замборучем и Чоюнчу, создается

неотступное ощущение, что Тегерек поворачивается вслед за тобой. Куда бы ты ни направлялся, его незримый, каменный взор провожает тебя, словно великан следит за каждым шагом незваного гостя. В этой иллюзии была своя пугающая поэзия — гора не просто стояла, она присутствовала в жизни каждого, кто оказывался в её тени, напоминая о том, что человек здесь — лишь временный гость, а Тегерек — вечный хозяин этих каньонов.

Солнце, утомленное дневным сиянием, начало свой неумолимый спуск к горизонту, склоняясь к западу. Мир вокруг стал стремительно меняться: тени удлинились, обретая сиреневые и сизые оттенки, а воздух наполнился той особенной предвечерней прохладой, которая бывает только в предгорьях, когда разгоряченная за день земля начинает отдавать свое тепло небу. До нашего родового аила оставалось всего полчаса пути — мгновение по меркам вечности, но целая вечность для человека, возвращающегося к своим истокам.

Я невольно повернул голову и взглянул на деда. В мягком, затухающем свете заката его лицо казалось высеченным из древнего камня. Я кожей чувствовал, какому глубокому, почти сакральному раздумью он предавался в эти минуты. Казалось, он вел безмолвный спор с самим временем: столько лет пройдено, столько дорог исхожено, а великая тайна Тегерека до сих пор не обнажила перед ним своей сокровенной сути.

— «Неужели суждено лишь коснуться края этой завесы,

— возможно, думал он, — прожить отпущенный срок и уйти в небытие прежде, чем истина откроет свой лик? Неужели старость настигнет раньше, чем шепот предков станет ясной речью?».

В последние годы я замечал в нем странное, пульсирующее беспокойство. Это не был страх перед концом пути, скорее — жажда завершенности. Дед явно ощущал миссию: древний миф о Тегереке не должен был кануть в лету, превратившись в пыль забвения. Он мечтал, чтобы эта легенда стала не просто сказкой, а мудрым уроком для всего человечества, ключом к пониманию чего-то бесконечно важного. С тех пор как он завершил свою книгу «Тегерек», минуло много лет, и в суете повседневности, в бесконечном круговороте дел эта великая цель часто отступала в тень, заслоняемая мелкими заботами.

Но здесь, на этой дороге, я видел: мысль о Тегереке вернулась к нему с новой, окрыляющей силой. Жизнь старого человека обрела новые горизонты, наполнилась вторым дыханием. Ему было отрандно находиться здесь, в этой величественной глуши, среди своих сородичей, чей уклад жизни казался незыблемым, как сами горы.

И еще более приятным для него было видеть наш с Дамиром неподдельный азарт. Он наблюдал, как его внуки — дети цифровой эпохи — с искренним трепетом вникают в детали местного быта, как наши глаза загораются при каждой попытке приоткрыть завесу тайны этого сурового и прекрас-

ного края.

Для меня в этой поездке действительно открылось безбрежное поле для познания. Но я, вслед за дедом, жаждал большего, чем просто этнографических наблюдений. Мне хотелось пронзить взором внешнюю оболочку и уяснить скрытую, почти мистическую сущность Тегерека. Что скрывает эта громада? О чем молчат камни?

Мне невольно вспомнился рассказ Дамира о его прошлогоднем путешествии в эти края. Тогда он, как и я сейчас, впервые вдохнул этот воздух и почувствовал, как всё незнакомое и таинственное тянет его к себе, словно мощный магнит.

— Помню, как мы с Саям-ава ехали по дороге, которой, по сути, и не существовало, — увлеченно рассказывал Дамир в один из наших вечерних разговоров. — Путь петлял прямо по многочисленным руслам реки, среди наносов гальки и мелководья. Колея то пропадала в воде, то вновь возникала на островках. Водитель грузовика вел машину так, будто у него внутри был встроенный компас или какое-то древнее чутье — он безошибочно угадывал, где дно твердое, а где коварные пески могут навсегда похоронить колеса.

В тот момент один из наших спутников, Эргеш-ава, внезапно вытянул руку, указывая на север. Дамир повернулся, прикрыв ладонью глаза от слепящего солнца, стараясь рассмотреть то, что привлекло внимание старика.

— Смотри внимательнее, — негромко сказал тогда Эр-

геш-ава. — Посмотри на ту гору. Видишь её?

Он указывал на высокую, странно округлую вершину, которая доминировала над ландшафтом.

— Да, вижу! — выдохнул Дамир, пораженный масштабом. — Невероятная громадина! Она выглядит как идеальная геометрическая фигура... словно великая пирамида Хеопса, только сотворенная самой природой.

Эргеш-ава посмотрел на него с глубоким, многозначительным прищуром: — Это больше, чем просто творение природы, сынок. То, что ты видишь — это Тегерек. Для кого-то это просто гора, но для тех, кто знает правду, это колоссальный саркофаг, в котором навеки замурован Ажыдар — великий дракон былых времен. Это каменный склеп, воздвигнутый самой вечностью среди этих скал сотни лет назад. Если твое сердце будет открыто, я расскажу тебе эту историю позже, когда мы прибудем в аил.

Дамир тогда рассказывал, что эти слова пронзили его, как электрический ток. Он был до предела заинтригован и засыпал старика вопросами: что это за саркофаг? Кем и зачем он был «построен»? Почему именно здесь, в этом глухом углу мира, было выбрано место для такого странного склепа? И кто же такой этот Ажыдар — мифическое чудовище или некая грозная сила, которую предки сочли нужным заточить в камень?

Теперь, проезжая по тем же местам, я чувствовал, как эти вопросы, некогда мучившие брата, становятся моими соб-

ственными. Мы приближались к Тегереку, и воздух вокруг, казалось, становился плотнее от невысказанных легенд.

Дамир позже признавался мне, что поначалу воспринимал смутные слухи о Тегереке как некую экзотическую дикувинку. Ему казалось, что в этом суровом краю правит какой-то странный, ложный идеал, а все мистические события, связанные с горой, — не более чем попытка сородичей героизировать собственное прошлое. Обычная сказка об извечном противоборстве коварного дракона и отважных людей, где в финале драконоборцы непременно водружают знамя победы над поверженным чудовищем.

Он хорошо помнил тот момент, когда в его словах промелькнула городская дерзость. Эргеш-ава и Салям-ава тогда лишь обменялись недовольными взглядами, но промолчали, не желая вступать в спор с самоуверенным юношей. По приезде в аил суета обустройства на время вытеснила эти мысли, но наутро любопытство взяло верх, и Дамир буквально пристал к Эргеш-ава с расспросами.

— Что это за место — Тегерек? Расскажите его истинную историю, — допытывался он.

Эргеш-ава искренне удивился такому напору: — С чего вдруг такой интерес? Тебе уже кто-то успел нашептать о нем?

— Так, слышал обрывками, — уклонился от прямого ответа Дамир, а затем, не удержавшись, добавил с иронией: — А может, это всё просто красивая сказка для туристов?

— Может быть... — неопределенно протянул старик, но уже через мгновение его голос окреп, в нем зазвучал металл убежденности: — Хотя нет! Я верю, что всё это было вправду. И тебе советую — поверь. В этом не только красота, поэтика, но и реальность и спасение. Он замолчал, глядясь в горизонт, а затем продолжил тише:

— Я всегда поражался тому, как легко люди клеймят непостижимое «предрассудками». Послушай, если бы эту историю поведал лишь один человек, я бы первым назвал его фантазером или безумцем. Но об этом шептали наши прадеды, об этом помнят горы. Разве может общая память целого народа быть всего лишь галлюцинацией?

Слушая Дамира, я ловил себя на мысли, что и сам начинаю тонуть в этой вязкой атмосфере древности. Мысли моих новых знакомых, их логика, их восприятие реальности — всё это было для меня в новинку. Я вновь и вновь прокручивал в голове недавнюю беседу с дедом, стараясь найти в ней опору.

— Запомни, Расул, народ в наших краях самобытный, — наставлял меня дед перед поездкой. — Наши сородичи внешне могут показаться бесхитростными, но в этой простоте скрыта глубокая, многослойная мудрость. У них особый строй души: они оперируют простыми категориями, но видят суть вещей куда пронзительнее нас. Тебе, городскому человеку, будет непросто выстроить с ними лад. Обычную светскую учтивость здесь не ценят — её нужно заменить ис-

кренностью, почтительным терпением и вескостью каждого слова. Только так ты проложишь тропинку к их доверию. Они принимают тебя как своего по праву крови, ты для них — часть единого целого. Никогда не смей об этом забывать.

Однако внутри меня всё же тлел огонек сомнения. Я понимал, что наступила иная эпоха — время скоростей, цифровых технологий и рационального анализа. Мы ведь принадлежим к другому, куда более сложному и динамичному миру. Наши нравы и обычаи не отличаются такой прямолинейной искренностью, в них нет той гранитной непреложности, что царит здесь.

Здесь, у подножия Тегерека, мир казался архаичным до предела, а время не бежало, а тягуче текло, подобно густому золотистому сиропу. Я понимал, что современной молодежи жизненно необходимы драйв, многогранность и перемены. Разумеется, я осознавал, что восставать против древних устоев можно лишь тогда, когда на твоей стороне железная логика. Но, глядя на закатное пламя, лизавшее склоны священной горы, я начинал догадываться — «жизнь не зиждется на одной лишь логике». Остается вопрос: где же в этой системе координат место для человеческого сердца? И что делать, когда сердце начинает биться в унисон с древним мифом?

Возвращение к истокам: земли, вода и кровь рода

Вечер неумолимо вступал в свои права. Солнце, коснувшись кромки горизонта, бросало последние, ослепительные лучи прямо в глаза, заставляя щуриться. В этом золотистом мареве мы наконец въехали в пределы родового аила.

«Ну и дыра!» — такова была моя первая, импульсивная мысль, когда я окинул взглядом Чоюнчу. Поначалу аил произвел гнетущее впечатление: два десятка хижин, слепленных из красноватой и серой глины, казались случайными каплями, разбросанными по суровым складкам предгорья. Между адырами, подобно капризной змее, вилась пыльная дорога. Пейзаж вокруг выглядел безжалостным: бурая, растрескавшаяся земля, покрытая лишь чахлой осокой и редкими островками кустарников. Казалось, по этим холмам прошли огненным смерчем, выжигая всё живое — настолько сухой и безжизненной выглядела эта часть склона.

Однако стоило нам спуститься чуть ниже, буквально на полсотни метров, как картина волшебным образом преобразилась. Там, где протекал широкий полноводный арык, начиналась иная жизнь. Глаз радовали сочные травы, пышные кроны тутовников, гибкие ивы и густые заросли камыша. Это был поразительный контраст: торжество жизни рядом с безмолвием пустыни. Всё, что открывалось взору, являло

собой пример высшей гармонии стихий и времени — подлинный природный симбиоз, где суровость гор смягчалась благодатью воды.

Дед попросил остановить машину на возвышенности, откуда Чоюнчу был виден как на ладони. Мы дружно высыпали наружу, подставляя лица прохладному вечернему бризу.

— Вот они, родные места... — с глубоким вздохом произнес дедушка. В его голосе звучала такая нежность, какую не встретишь в городе. — Здесь всё дышит памятью: каждый камень, каждый двор, лица людей и эти вечные горы. Здесь царит подлинный покой, которого так не хватает в суете. Знаете, я бы, не задумываясь, переехал сюда навсегда.

Он посмотрел на нас с Дамиром — испытующе, с легкой долей иронии, словно задавая немой вопрос: «А вы, дети цивилизации, смогли бы почувствовать этот зов?» Мы с братом лишь переглянулись, не зная, что ответить. В наших молодых душах городская тяга к комфорту и динамике еще слишком сильно спорила с этой тихой, созерцательной красотой.

Между тем, небо превратилось в холст гениального художника: на западе полыхал неистовый вулкан заката, заливая облака багрянцем, а на востоке, в густеющей синеве, одна за другой начали проступать низкие, удивительно яркие звезды.

В самом аиле нас ждал прием, который невозможно забыть. Вот она, малая родина в своем истинном проявлении: нас встретили не просто горячо, а с той всеобъемлю-

щей сердечностью, которая бывает только в кругу большой семьи. Казалось, каждый житель Чоюнчу считал своим долгом обнять нас, расцеловать и произнести слова благословения. Потоки искренних приветствий и теплых пожеланий захлестнули нас. Эта неподдельная радость родственников трогала до глубины души.

Мы собрались в просторном гостеприимном доме Салям-ава. Вокруг нас тесным кольцом сели близкие и дальние сородичи. Здесь были те, кого мы знали с детства, и те, о чьем существовании я раньше только догадывался: Сайтмурат-ава, Омурзак-ава, Мансур-ава, Гапар-ава, Эргеш-ава, Кадыр-тага, Кудайберди-тага, Каттабек-ава, Жаныбек-ава, Бавабек-ава, Алимбек-ава, Эшанкул-ава, Кожоназар-ава, Исманали-ава, Мухтар-тага, Турдубек-ава, Аккул-ава, ... Всех имен было не перечесать, но каждое лицо светилось мудростью и добротой.

В этом кругу не было места условностям, лжи или наигранности. Только открытость, искренность и удивительная доброжелательность. В какой-то момент я поймал себя на мысли: а что еще, собственно, нужно человеку в этом подлунном мире? Здесь, среди своих, мы с дедом чувствовали себя по-настоящему дома. Только сейчас ко мне пришло осознание, что ни один городской комфорт не заменит этого родства душ, этой близости суждений и покоя, который рождается из уверенности: тебя здесь любят и всегда ждут.

Особое тепло исходило от женщин нашего рода — наших

апа, эже и жене. Ханзат-эне, Чинихал-эне, Чынар-эне, Чолпон-эне, Дана-эже, Минавар-эже, Мария-эне... В глазах каждой из них читалась безграничная нежность и забота, словно мы были их собственными сыновьями, вернувшимися из долгого и опасного странствия. В этой атмосфере всеобщего единства даже суровый облик аила перестал казаться мне «дырой» — теперь он виделся мне надежной крепостью, хранившей самое ценное, что есть у человека: его корни.

Вечерняя трапеза, наполненная теплом родственных встреч и неспешными разговорами, затянулась до глубокой ночи. Когда последние отблески заката окончательно утонули в наступившей тьме, женщины и дети покинули круг, отправляясь на покой. Мужчины же, следуя неписаному закону гостеприимства и чувству приезд моего деда, решили провести «Кадыр-тун» — священную ночь бдения и откровений. Это время предназначено для молитв, глубоких раздумий и тихих бесед, которые завершаются лишь с первыми лучами солнца и утренним намазом.

Я знал об этом обычае, но мое сердце билось в ином ритме: мне не терпелось наконец услышать легенду о Тегерке. Полночь уже вступила в свои права. Небо, густое и иссиня-черное, было расшито ярким бисером звезд, а полная луна заливала долину призрачным, серебристым светом.

Наконец, не в силах больше сдерживать любопытство, я обратился к Курбанбай-тага:

— Тага, вы — один из старейших хранителей памяти в

нашем аиле. Ваше слово веско, а знания глубоки. Расскажите мне о мифе, что неразрывно связан с Тегереком. Я уверен, что все присутствующие слышали эту историю множество раз, но для меня она прозвучит впервые, как откровение.

Курбанбай-тага степенно поправил свой головной убор, обвел взглядом собравшихся и мягко улыбнулся: — Что ж, Расул, ты гость в этих краях, и твое желание законно. Я поведаю тебе всё, что сохранила моя память, как умею. А если нить моего рассказа где-то истончится, братья и сородичи помогут мне её восстановить. Слушай же...

Он начал издавека, уводя нас в туман веков, где время измеряется не годами, а поколениями. Эту легенду его прадед перенял от своего деда, а тот — от своего, и так до тех пор, пока память не коснулась эпохи, когда вольные саки только начинали осваивать эти суровые хребты.

— Тегерек — это не просто гора, — голос старика вибрировал от скрытого почтения. — Это мифический саркофаг, священный тотем нашего рода, который мы зовем «кара-кулы».

Рассказ Курбанбай-тага не был стройным и сухим докладом. Он говорил эмоционально, то переходя на доверительный шепот, то возвышая голос, порой возвращаясь к уже сказанному или внезапно перескакивая через десятилетия. Его повествование напоминало горную реку — бурную, непредсказуемую, временами хаотичную. Однако это ничуть не портило впечатление. Напротив, хаос слов искупался живым

участием слушателей: то один, то другой родич вставлял веское замечание, дополнял картину яркой деталью или полностью перехватывал нить, чтобы описать особо важный эпизод.

Небо оставалось безупречно чистым. Полная луна уже начала свой неспешный спуск на юго-запад, и в её холодном сиянии Тегерек проступал отчетливо, как гигантская каменная сфера, упавшая с небес. Все сидящие в кругу, казалось, замерли, охваченные сложным чувством — смесью благоговейного восхищения и тревожного ожидания, будто сама гора слушала их слова.

В разговор вступил Салям-ава: — Старики баяли, что в прежние времена на подступах к этой вершине бесследно исчезли несколько смельчаков. Гора не прощает дерзости. Подъем к самому пику невозможен — на нем лежит древнее заклятье, оберегающее покой замурованной в камне силы.

Он посмотрел прямо на меня, и в его глазах блеснул лунный свет: — Говорят, раньше существовал обряд: мужчины нашего рода, истинные «кара-кулы», совершали ритуальный обход горы. Само наше имя — «черные рабы» — означает, что мы по преданию являемся вечными стражами и охранителями покоя Тегерека.

Голоса предков: Метафизика кара-кулов

Чем дольше я слушал, тем сильнее росло моё изумление. Я поражался особому мироощущению этих людей — на вид простых и бесхитростных, но внутри таящих непомерную сложность. Каждое их чувство, каждая мысль в этом ночном разговоре приобретали десятки тончайших нюансов. Мне открылась истина: они живут по своим, неписаным законам, и в этой неторопливой, наивной, но колоритно окрашенной жизни была своя непостижимая прелесть. Мне, привыкшему к бешеному ритму мегаполиса, где всё стремительно и непредсказуемо, этот мир казался вечным причалом, где даже легенды имеют плоть и кровь.

Меня до глубины души захватила и заставила задуматься древняя традиция кара-кулов — их обычай совершать ритуальный обход вокруг Тегерека. В моем воображении этот обряд вырисовывался не просто как дань прошлому, но как живой символ их сопричастности к великой легенде о саркофаге Зла. Казалось, этот мерный шаг вокруг горы олицетворяет для кара-кулов вечный круговорот их судеб и самого времени. Тегерек перестал быть для меня просто геологическим объектом — он возвышался как сакральное средоточие их веры и поклонения.

Теперь мне стали понятны мотивы деда: я вспомнил, как

по пути в кишлак он внезапно попросил остановить машину прямо напротив Тегерека. Тогда он долго стоял, обратив взор к вершине, и читал поминальную молитву. В этом жесте было столько смирения и скрытого смысла, что я только сейчас начал осознавать его глубину.

Стало ясно и то, почему у чужаков, попадающих в эти края, рождаются суеверия и безотчетный страх. Глубокие, напоенные мраком каньоны и зевы пещер не могли не будоражить воображение, рисуя картины неведомых стран, населенных невидимыми существами. Жуткое, почти осязаемое безмолвие этой теснины словно хранило в себе нечто ужасающее — непостижимую и древнюю тайну, готовую вырваться наружу. Пока мне не удавалось облечь в слова всё увиденное и услышанное, но ощущение того, что я переступил порог иной планеты, стало почти физическим.

— Итак, — продолжал рассказчик, чей голос в ночной тишине звучал особенно веско, — древнее предание гласит, что в незапамятные времена эти края стонали под игом кровавого Ажыдара. Это было так давно, что даже камни стерли даты. Расул, ты спрашивал меня: зачем людям понадобилось воздвигать этот колоссальный насып, который ныне зовется горой Тегерек?

Он сделал паузу, и в этот миг мое воображение, подстегнутое лунным светом и близостью горы, разыгралось не на шутку. Мне на мгновение почудилось, что громада Тегерека начала угрожающе раскачиваться, словно внутри него про-

будилось древнее сердце. Вспыхнуло видение: вершина горы с грохотом откидывается, подобно раскаленной крышке казана, и в чернильное небо выбрасывается нечто бесформенное и злобное. Спустя мгновение я отчетливо «увидел» искаженную яростью морду Дракона, который длинным языком пламени лизнул звезды и скрылся за зубчатой грядой хребтов.

Гапар-молдо, заметив мое состояние, выдержал паузу и продолжил рассказ: — В ту памятную ночь, когда саркофаг был запечатан, один из наших предков по имени Аккул нарушил воцарившуюся тишину. Его вопрос прозвучал как вызов и мольба одновременно. Он обратился к мудрецу: «Скажите нам, уважаемый аксакал, мертв ли Ажыдар окончательно и бесповоротно? Ведь вы, утверждая, что мы одолели зверя и заточили его в этот склеп, одновременно настаиваете, чтобы мы вечно несли караул у его могилы». В этих словах Аккула крылся горький и проницательный смысл: зачем стеречь того, кто не может вернуться?

— И что же ответил Ак-киши-олуя? — выдохнул я, не в силах больше сдерживать нетерпение.

— Лик мудреца был суров, — ответил рассказчик. — Он произнес слова, которые мы помним до сих пор: «Ажыдар сейчас мертв. Но... в его природе заложена страшная способность — переживать собственные трагедии. Его сущность несет в себе яд возрождения. Считайте, что сегодня мы лишь на время сузили круг его власти, но не укороти-

ли нить его бытия. Запомните: охранные заклинания со временем начнут слабеть. Под ветрами и дождями может зашататься и сам каменный саркофаг. Заклинаю вас: берегите это место. Трубите тревогу всякий раз, когда почувствуете дыхание Зла, ибо его сон не вечен».

В этом ответе мудреца заключалась вся трагедия нашего рода — быть вечными стражами у врат, за которыми дремлет хаос. Я смотрел на Тегерек, и он больше не казался мне просто горой. Он был застывшим обещанием новой битвы.

Под глубоким впечатлением от услышанного я кожей почувствовал, как по спинам присутствующих пробежал холодок. Казалось, в тот миг, когда древний мудрец произнес свое роковое признание, кровь застыла в жилах его слушателей. «Неужели беды и несчастья обречены на вечное возвращение? В чем наш неискупимый грех? За что судьба уготовала нам столь горькую участь?» — эти немые вопросы явственно читались в глазах людей, собравшихся у ночного костра.

Гапар-молдо, словно читая мои мысли и улавливая общее смятение, продолжил свой рассказ, и голос его зазвучал еще более проникновенно.

— В тот час великого испытания не все были готовы принять бремя вечного дозора, — произнес он. — Один из соплеменников по имени Карим, чье сердце было сокрушено скорбью, высказался с нескрываемой горечью: «Мы все стояли на краю гибели, и ради чего? Не лучше ли было вовремя

собрать аил и откочевать подальше от этих проклятых скал — к цветущим садам Газы или к шумным рынкам Согда?»

Глава рода, старый и мудрый Ак-киши-олуя, с трудом поднялся на ноги. Он долго молчал, опираясь на посох и сдерживая праведный гнев, который темным пламенем вспыхнул в его глазах. Наконец он ответил, и каждое его слово падало в ночную тишину, как раскаленный свинец:

— А знаешь ли ты, сын мой, почему этот край называют «темным»? Только потому, что мы стали заслоном на пути тьмы. Ажыдар не успел расправить крылья над Газой, Согдом или берегами Яксарта. Его ярость не вырвалась за пределы нашей долины лишь потому, что мы принесли себя в жертву. Мы предотвратили бесчисленные горести миллионов людей, оставшись здесь. Ты сетуешь на жертвы? — мудрец горько усмехнулся. — Жертвы были неизбежны. И пусть души павших героев найдут свой вечный приют в райских кущах, ибо они купили жизнь для этого мира ценой своей крови.

Слова аксакала нашли отклик в большинстве сердец. Другой соплеменник, Таирбай, твердо произнес: — Вы правы, уважаемый аксакал. Если мы оставим дозор, если позволим саркофагу разрушиться, Ажыдар снова обретет свободу. И тогда первой падет не Газа и не Согд — первым погибнет наш род, и бежать будет некуда.

Слушая этот спор, я невольно погрузился в раздумья. Если принять за истину, что Зло не исчезает бесследно, а лишь

меняет форму, оставаясь вечным и возвратным, то логика мудреца была безупречна. Во мне боролись два начала: городской рационализм, видящий во всем лишь архаичный миф, и холодная, беспощадная логика предков. Чему верить? Я поймал себя на мысли, что ищу компромисс — ту самую «золотую середину» здравого смысла. Хотя где-то в глубине души уже знал: в вопросах жизни и смерти здравый смысл часто оказывается слеп.

— У этой горы двоякая слава, — вступил в разговор Жолдош-ава, пытаясь подвести черту под сказанным. — С одной стороны, Тегерек — это памятник великому подвигу нашего народа. Мы не просто одолели зверя, мы создали каменную тюрьму и выставили стражу, завещав потомкам хранить целостность саркофага. Но с другой стороны... гора обрела зловещую тень. Она — как спящий вулкан. Все боятся того дня, когда Тегерек может расколоться.

В моей голове внезапно всплыли кадры из современных передач о паранормальных явлениях. Я подумал о Нишане, сыне Карим-ава. Быть может, под воздействием этой тяжелой, вековой энергии в его организме пробудился некий спящий «ген смерти»? Словно предвосхищая этот поворот моих мыслей, Саттар-ава продолжил повествование:

— Мой прадед передал мне одну важную деталь. Однажды, во время очередного ритуального обхода Тегерека, кара-кулы заметили на его склоне свежую расщелину. Она была тонкой, как волос, но из неё веяло таким могильным хо-

лодом, что даже самые храбрые псы поджали хвосты и завывали от ужаса. Именно тогда люди поняли: Ажыдар не просто спит — он пробует этот мир на прочность...

Я посмотрел на темный силуэт горы, и мне показалось, что она действительно дышит — тяжело, прерывисто, в такт моим собственным мыслям.

Пророчество Ак-киши-олуя: Этическое бремя стражей

Слушая продолжение легенды, я поймал себя на невольном изумлении. Меня поразило то, как эти простые, живущие вдали от цивилизации люди смогли не только интуитивно ухватить самую суть назревающей катастрофы, но и выстроить в своем воображении сложнейшую цепочку последствий. Перед ними, как перед советом мудрецов, встал извечный выбор, и каждое из предложенных решений несло в себе свою правду и свой риск.

Одни предлагали оставить всё как есть, доверившись судьбе и ограничившись лишь пассивным наблюдением — ведь негоже человеку вмешиваться в дела богов, когда те спят. Другие, напротив, призывали к действию: они предлагали приняться за укрепление саркофага, неустанно заделывать каждую новую расщелину или вовсе покрыть Тегерек еще более мощной, несокрушимой броней из камня и молитв. Третьи же, чей дух был сломлен страхом, шептали о бегстве в иные, благополучные земли, где солнце светит ярче, а горы не хранят в себе древний яд.

Саттар-ава, чей голос в ночной тишине казался эхом ушедших веков, продолжал свой сказ:

— И тогда Ак-киши-олуя вновь собрал сельчан. Он окинул их взглядом, в котором смешались печаль и непоколе-

бимая твердость, и произнес слова, ставшие нашим законом: «Сородичи! Мы совершили великое — мы одолели Ажыдара. Мы воздвигли этот каменный саркофаг, не оставив в его теле ни единой лазейки для тьмы. Но поймите: Тегерек — это не могила чудовища. Это его темница. Я предупреждаю вас и ваших детей: Ажыдар способен ожить, ибо его невозможно истребить окончательно. Такова его природа».

Он сделал долгую паузу, давая собравшимся прочувствовать тяжесть истины, и добавил: — Он не просто зверь из плоти и крови. Он — живой символ Абсолютного Зла, пропитавшего этот мир. Сегодня мы предотвратили побег этого Зла, замуровав расщелины. Но будьте бдительны! Отныне и до скончания времен только от нас будет зависеть, расправит ли он снова свои крылья. Быть Злу или не быть — этот выбор теперь лежит на ваших плечах.

Но, как это всегда бывает в человеческой истории, не все были готовы нести это бремя. Саттар-ава сокрушенно покачал головой, вспоминая тех, кто в страхе отвернулся от пророчества, предпочитая неведение суровой бдительности.

Мужчины, сидевшие в кругу под звездным небом Ляйляка, замолчали. Каждый из них в эти минуты медленно и вдумчиво перебирал в памяти аналогичные истории, семейные предания и странные события, свидетелями которых они были сами. Вывод напрашивался сам собой: Тегерек — это не просто гора.

В моем сознании начали всплывать величественные ана-

логии. Если Великая гора Сумеру является духовной мандалой мира, повторяющей форму Колеса Калачакры, то и наш Тегерек — это точка пересечения сил Света и Тьмы, Жизни и Смерти. В этом диком краю он олицетворял собой вечный зенит борьбы добра и зла. Я вдруг отчетливо осознал, что Тегерек, по сути, является физическим и духовным двойником священного Кайласа, что высится в Тибете. А почему бы и нет?

Пусть никто не докажет их материальную связь, но в пространстве духа эти горы-близнецы едины. Каждая из них выступает земным пристанищем для сил, превосходящих человеческое понимание. Тегерек с его мрачными каньонами, бездонными гротами, пещерами-зевами и даже каменистым руслом Ак-суу — всё здесь напоминало о Зле, заживо погребенном в глубоком прошлом Земли.

Разве можно отрицать их божественную — или демоническую — роль? Они призваны создавать высшую гармонию, удерживая равновесие в вечном противостоянии богов и демонов, света и хаоса. Люди чувствуют эту власть над своими судьбами, и потому они поклоняются этим вершинам с одинаковым трепетом — и в высокогорьях Тибета, и здесь, в окрестностях Ляйляка.

В ту ночь и я, и Дамир, погруженные в атмосферу древнего мифа, начали медленно, но верно приходить к убеждению: содержание и логика этой легенды куда реальнее, чем нам казалось в городе. Мы кожей ощутили, что история Теге-

река — это не сказка для развлечения внуков, а живая пульсация самой истины, запечатанной в камне.

Ночь медленно истаивала в ожидании рассвета, а утро замерло в предвкушении первого солнечного касания. Поднявшись с первыми проблесками зари, я не стал тревожить сон Дамира и в одиночестве отправился вверх по склону к ближайшему высокому кургану, чья вершина служила естественным дозорным пунктом над аилом.

Со стороны гор тянуло бодрящей свежестью, в воздухе разливался монотонный рокот реки, перемежающийся с далеким, гортанным пением петухов. Я устроился на вершине холма, устремив взор туда, где за линией низкого перевала начала наливаться багрянцем полоса восхода. Она росла стремительно, расправляя над восточной границей мира алый веер света. Весь край, казалось, затаил дыхание. Еще мгновение — и ослепительный диск солнца озарил долину. В тот же миг мириады капель утренней росы на высоких травах вспыхнули бесчисленными бриллиантами.

Горные вершины встрепенулись, сбрасывая с плеч тяжелые холодные тени, ожили ручьи, наполнив воздух звонким многоголосьем, запели птицы и цикады. Мы словно отправились в медленный полет по кругу времени, созерцая владения этого сказочного царства. Ни души вокруг — только я и первозданная мощь природы. Мир пробуждался, мучительно и прекрасно ища совершенства в утренней гармонии. К девяти часам утра вся долина уже жила в своем привыч-

ном ритме, и лишь Тегерек, верный своей суровой природе, всё еще кутался в остатки тени, медленно подставляя склоны солнцу.

Я задумчиво наблюдал, как внизу окончательно просыпается наш маленький аил. На душе было удивительно светло и покойно. Там, внизу, среди намытых галечных берегов, пенилась холодная горная река, дробясь на множество серебристых ручьев, которые то сливались в единый поток, то вновь разбегались, омывая островки.

Позже, вернувшись в дом и наблюдая за работой местных мастериц, я погрузился в раздумья о том, как глубоко философия вплетена в их повседневный быт. В этих краях женщины, создавая ковры и вышивки, не просто следуют традиции — они творят миры. В каждом движении их рук, в каждой стежке живет мудрость, сопоставимая с трудами великих мыслителей.

Мои размышления прервал мягкий голос Ханзат-эне: — Смотри, Расулжан, — она указала на узор, над которым трудилась. — Вот третья группа орнаментов — двойные завитки. В преданиях кара-кулов они символизируют сферу или защитный щит.

Она взглянула на меня, и в её мудрых глазах промелькнула искра тайного знания: — Когда мастерица ткёт ковер, она не просто подбирает нити. Она закладывает в узор закливание-оберег. Эти символы — наши незримые стражи, призванные уберечь дом от бед и незваных несчастий. А как

иначе? В этом мире свет всегда идет об руку с тенью, и от Зла нужно уметь заслониться.

Я слушал её, охваченный невольным восхищением. Поразительно: рассказывая об узорах, Ханзат-эне ни разу не упомянула вслух Тегерек, не назвала имен древних воинов-драконоборцев или стражей-охранителей. Но в её простых словах о ковровом орнаменте явственно проступила вся история кара-кулов. Сама того не ведая, она изложила суть их многовековой борьбы с хаосом, их былую победу над Ажыдаром и веру в силу охранного знака.

В этот миг я сделал для себя невероятное открытие: декор местной вышивки, эти причудливые линии и формы — не что иное, как визуальное воплощение мифа о Тегереке. Это была живая матрица, мифологический архетип, вплетенный в ткань быта. Стало очевидным, что эти символы вбирают в себя коренные понятия народа о безопасности, чести и вечном дозоре, превращая обычный предмет обихода в священную летопись сопротивления Злу.

Синхроничность катастроф: От мифического Ажыдара к техногенному атому.

Завершив утреннюю трапезу, мы, как и намечали накануне, стали спешно собираться в путь — нас ждала конная прогулка по заповедным уголкам родного края. В душе росло нетерпеливое предвкушение: сегодня нам предстояло встре-

титься с Тегереком почти лицом к лицу. Сопровождать нас с Дамиром вызвался почетный эскорт из старших сородичей — Молдо-ава, Салям-ава, Айдар-тага, Мустапакул-ава и Ханзаман-тага. Прodelав пару километров вверх по склону, мы взяли левее и начали медленно погружаться в суровое безмолвие глубокого ущелья.

Айдар-тага, грациозно придержав коня, поравнялся со мной. Его взгляд скользил по скалистым стенам, читая их, как открытую книгу. — Взгляни, Расул, — негромко произнес он. — Это место зовется Ажыдар-саем. Знающие люди говорят: если подняться на вершину Кара-Даван и посмотреть вниз, то всё это ущелье с его причудливыми боковыми ответвлениями напоминает рваный след, оставленный когтями великого дракона.

В моем воображении тут же вспыхнула яркая картина. Я подумал о том, как хорошо было бы сейчас оказаться на борту вертолета. С высоты птичьего полета можно было бы воочию убедиться, что эти лощины, расходящиеся «елочкой» и прорезающие землю глубокими складками, действительно выглядят как шрамы от когтей Ажыдара, сокрушенно рухнувшего здесь в незапамятные времена.

Спустя два часа тяжелого подъема мы наконец достигли гребня перевала Кара-Дабан. Перед нами открылась панорама такой ошеломительной мощи, что на мгновение я забыл, как дышать. Всё подтвердилось: прямо от наших ног начинался каньон, который, уходя вдаль, становился всё глубже

и необъятнее. Справа и слева в него вливались другие саи, образуя сложный, ветвистый узор на лике земли. И в самом конце этот исполинский желоб упирался в массивное основание Тегерека, который величаво царил над более низкими отрогами хребта.

Картина была грандиозной: Тегерек в своем одиноком великолепии, застывшие в круговом дозоре горные кряжи, и лишь где-то бесконечно далеко внизу, словно мираж, виднелся крохотный изумрудный клочок живого мира — долина Ак-суу. Глядя на этот ландшафт, я невольно вспомнил два шедевра мировой живописи, ставшие классикой — «Падение Икара» Питера Брейгеля и «Прикосновение к вечности». В первой картине о трагедии героя напоминают лишь круги, расходящиеся по безразличной воде, в то время как мир продолжает жить своей повседневной жизнью. На второй же — на самой вершине мира стоит одинокая юрта и старик, обзревающий Вселенную с высоты своего опыта.

— Лучшего места, чтобы созерцать величие природы и вести беседы с самим собой, человек и придумать не мог, — заметил Айдар-тага, спешиваясь и присаживаясь рядом со мной на нагретый солнцем камень.

И он был прав. Отсюда можно было до бесконечности любоваться этой страной — страной первозданной красоты, сотворенной яростными стихиями. Но главным режиссером, художником и творцом здесь выступало солнце. Сидя на холме, мы воочию наблюдали акт великого творчества матуш-

ки-природы, поражаясь неисчерпаемому разнообразию красок, сюжетов и теней.

Я предался мечтам, вслух размышляя: — По аналогии с брейгелевским Икаром, тот крохотный зеленый оазис внизу, на фоне этого величественного, почти сюрреалистичного пейзажа, кажется мне истинным раем, затерянным в каменном хаосе. Вот бы здесь, на этом самом холме, соорудить по всему периметру сиденья. Чтобы можно было часами, в медленном вращении, наслаждаться этой божественной круговой панорамой!

Следом пришла и другая, более глубокая мысль: если следовать логике картины «Прикосновение к вечности», то сейчас мы сами — и этот старик рядом со мной, и я — стали частью этого вечного сюжета. Здесь, на Кара-Даване, время как будто потеряло свою линейность, позволив нам на краткий миг коснуться чего-то неизменного и святого.

Мы еще долго стояли в оцепенении, замороженные открывшейся панорамой, не в силах отвести взгляд от величественного и грозного безмолвия гор. Тишину, казавшуюся почти осязаемой, нарушил негромкий голос Мустапакулава:

— Расул, Дамир, взгляните в Тегерек еще раз. Какое чувство он рождает в вас теперь? На что, по-вашему, он похож в этом свете?

Я присмотрелся к массивному куполу, чей силуэт отчетливо выделялся на фоне неба, и внутри меня отозвалось тре-

возное воспоминание. — Если быть честным, он напоминает мне чернобыльский саркофаг, — ответил я, сам удивившись точности этого сравнения. — Да, точно! Один в один! — воскликнул Дамир, пораженный внезапным сходством древней горы с творением рук человеческих.

Молдо-ава медленно кивнул, подтверждая наши догадки: — Вы правы, дети мои. Сходство не только внешнее. Это может подтвердить наш Саям, которому волею судьбы довелось своими руками возводить тот самый, чернобыльский саркофаг.

Мы с Дамиром с нескрываемым изумлением посмотрели на Саям-ава. Раньше мы и помыслить не могли, что этот скромный человек был причастен к событиям мирового масштаба. В нашем представлении, сформированном голливудскими блокбастерами, спасители человечества всегда выглядели как титаны с литыми мускулами и стальным взглядом. А перед нами стоял Саям-ава — обычный, на первый взгляд, человек, каких тысячи, с натруженными руками и добрым, чуть усталым лицом. Оказалось, настоящие герои не носят плащей — они живут среди нас, в тихих горных аилах.

— Да, всё так и было, — негромко подтвердил Саям-ава, и его взгляд подернулся дымкой воспоминаний. — Когда прогремел взрыв на четвертом блоке, я проходил службу в воинской части всего в двадцати километрах от Припяти. Нас подняли по тревоге и бросили в самое пекло — мы были

в числе первых, кто вошел в зону аварии. Пожар к тому времени почти укротили, но земля вокруг была усеяна графитовыми обломками, а разрушенный реактор продолжал извергать ядовитый дым в небо. Раненых уже развезли, город опустел... Нам выдали защитные костюмы и поставили задачу: обуздать невидимого зверя.

Он замолчал, словно вновь почувствовал тот металлический привкус на губах. В разговор вступил Ханзаман-тага: — Все мы когда-то верили, что век великих технологий принесет человечеству новое мышление — глубину взгляда и священную ответственность за будущее планеты. И доля правды в этом есть. Но случаются ошибки, «проколы» в великом замысле, и цена этих человеческих просчетов неизменно оборачивается планетарными трагедиями.

Слушая его, я вспомнил, как в школьные годы писал реферат о катастрофе на ЧАЭС. Память услужливо подсказала эпиграф, который я тогда выбрал — слова мрачного философа Эмиля-Мишеля Чорана: «...свыкшись с ужасным, мы переживаем сегодня сращение утопии с апокалипсисом. Обетованный „новый мир“ всё больше напоминает новый ад. Но мы с нетерпением ждем этого ада и даже считаем своим долгом поторапливать его приход».

Эта горькая истина раз за разом подтверждается историей. Несмотря на незаживающие раны Хиросимы и Нагасаки, человечество продолжает наращивать ядерные арсеналы. Несмотря на ужас Чернобыля и Фукусимы, по всей планете

множатся сотни тысяч ядерных могильников. Все они — не что иное, как мины замедленного действия, заложенные под фундамент будущего.

Снова воцарилась пауза, тяжелая от осознания общности этих бед. — И масштабы этой угрозы растут по экспоненте, когда имеешь дело с современным атомом, — задумчиво произнес Айдар-тага. — Они разрастаются до размеров, которые разум отказывается осознавать. Трагедия Чернобыля — лишь первый звонок в этой симфонии предостережения.

Его мысль мягко подхватил Молдо-ава, вновь переводя взгляд на багряные склоны горы: — Знаешь, Расул, наш род зовут кара-кулами — хранителями и охранителями Тегерек-ка. Но теперь ты видишь сам: эта мифическая гора и современный саркофаг над реактором — звенья одной цепи. Мы — стражи Зла, которое заперто в камне и бетоне. И неважно, пришло ли оно из древних легенд или из научных лабораторий — наша задача остается прежней: беречь мир от того, что спит внутри.

«А ведь в этом кроется вся соль истины», — пронеслось у меня в голове. Словно читая мои мысли, Каттабек-ава, директор местной школы и физик по призванию, внезапно воскликнул с воодушевлением. В его голосе звучал неподдельный пафос; чувствовалось, что этот человек бесконечно горд своей малой родиной и силой духа своих сородичей. Обернувшись к нам с Дамиром, он заговорил, чеканя слова:

— Вы люди образованные, грамотные, плоть от плоти ака-

демической среды. Имена Жолио-Кюри, Резерфорда и Бора для вас не пустой звук. Сцилард, Ферми, Курчатов, Мейтнер, Ган, Штрассман, Томсон, Оппенгеймер... Эта «могучая кучка» ядерной физики тридцатых годов заложила фундамент современной цивилизации. Каждый из них вложил свою искру в этот колоссальный костер науки, и сегодня трудно судить, чей вклад был весомее. Но за триумфом последовали Хиросима и Нагасаки — черные даты, принесшие мучительное осознание последствий. Человечество в ужасе отшатнулось от творцов смерти. Скажите мне прямо: как вы сами относитесь к этим людям?

Мы с Дамиром на мгновение растерялись от прямоты вопроса. Тяжелое молчание повисло над нами, прежде чем брат нашел слова.

— Знаете, — заговорил Дамир, — не только мир содрогнулся от их творений. Сами ученые, чьи имена вы назвали, первыми испытали жгучее чувство ненависти к самим себе. Они осознали, что их чистый гений был цинично использован политиками как одноразовый инструмент, как клочок бумаги, который выбрасывают после употребления. Это было крушение иллюзий.

— Именно так, — подхватил Каттабек-ава. — Творцы атома превратились в апостолов безопасности. Они стали колесить по миру, взывая к совести правительств, организуя комитеты и форумы. Но джинн уже покинул бутылку.

В разговор вновь вступил Салям-ава. Его голос, тихий и

надтреснутый, заставил нас вслушаться с особым вниманием.

— В те дни, в зоне отчуждения, я часто смотрел на разрушенный реактор и задавался одним-единственным вопросом: кто же истинный виновник? Кто допустил этот хаос? Именно тогда, среди радиоактивной пыли, ко мне впервые пришло осознание глобальной, почти космической ответственности каждого человека за судьбу Земли. Мы не просто строили бетонную коробку, мы пытались зашить рану на теле планеты.

Он горько усмехнулся и продолжил: — Я наивно полагал, что Чернобыль станет последним уроком. А потом случилась Фукусима... Признаться, я считал японцев образцом осмотрительности. Они ведь первыми на себе испытали испепеляющую мощь атома в сорок пятом. У меня в голове не укладывается: как можно было воздвигнуть АЭС в зоне, где земля постоянно содрогается от толчков, а океан грозит исполинскими цунами? Где был их хваленый разум?

— Согласен с вами, Салам-ава, — отозвался Дамир. — Просчеты при строительстве Фукусимы выглядят верхом безалаберности, что совершенно не вяжется с нашим представлением о японской педантичности. Но факт остается фактом: трагедия не завершена, ядовитые воды продолжают безнаказанно уходить в мировой океан, отравляя само будущее.

Мне невольно вспомнились пронзительные страницы

книги Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва». В памяти всплывали рвущие душу монологи ликвидаторов и беженцев, потерявших всё. Стало ясно как день: и в Чернобыле, и в Фукусиме за спиной технического сбоя стояла чья-то преступная близорукость и бюрократическое равнодушие.

— Саям-ава, — решился я на вопрос, который давно терзал меня. — Скажите честно... там, на ликвидации, вам было страшно? Вы чувствовали дыхание смерти?

Старик посмотрел на свои руки и ответил с обезоруживающей прямоотой: — Скажу как есть. Мы, добровольцы и солдаты, радиации не боялись. Почему? Да потому что мы просто не понимали, что это такое. Это враг без запаха, цвета и звука. Мотивы у многих были приземленные: кто-то хотел демобилизоваться пораньше, кто-то рассчитывал на досрочную пенсию или повышенные выплаты. Мы были молоды и верили в свою неуязвимость.

— И что же было в финале? — тихо спросил я.

— В финале? Наконец, саркофаг был возведен, — вздохнул Саям-ава. — Мы запечатали зверя в бетонном склепе. Но был ли на этом пройден круг испытаний? Глядя на Тегерек, я понимаю: наш дозор продолжается. Древнее зло или современный атом — неважно. Пока стоят эти стены, мы не имеем права закрывать глаза.

Вглядываясь в монументальный силуэт Тегерека, я не мог избавиться от навязчивого ментального наложения: передо

мною вновь и вновь возникал образ черновыльскаго саркофага. Эта циклопическая громада из бетона и стали, ставшая последним пристанищем для растерзанного четвертого энергоблока, видалась мне близнецом древней горы. Саркофаг над реактором — первое подобное сооружение в истории нашей цивилизации — навсегда запечатлелось в памяти человечества как символ великой беды, воплощение хаоса и горький памятник людской беспечности. «Насколько же созвучны эти два объекта, — думал я, — таинственный миф о Тегереке и суровая правда Чернобыля».

Позже, когда мне довелось прочесть книгу деда под названием «Круг», я окончательно осознал глубину этой философской аллeгории. Это была точка встречи древнего предания и современной реальности. В незримом дыхании радиации проглядывал лик того самого вечного зла, о котором шептали легенды кара-кулов. Атом, вырвавшийся из-под контроля, стал современным воплощением Ажыдара. Трагедия накрыла планету ядерной раной, и человечество в ужасе осознало, как мучительно трудно её залечивать. А если завтра такими ранами покроется всё тело Земли? Чернобыль стал не просто аварией, а финальным предупреждением: единственный путь к сохранению жизни — это разоружение, и прежде всего полное уничтожение ядерных арсеналов.

— Знаете, в те годы пресса предпочитала хранить гробовое молчание о многих вещах, — заговорил Салям-ава,

прерывая мои раздумья. — Истинный масштаб случившегося проявился лишь спустя десятилетия. Радиация, вырвавшись из бетонного плена реактора, навсегда переломила судьбы миллионов людей в радиусе тысяч километров, отравив само время.

Из лекций профессора Султанова мы с Дамиром помнили технические детали: взрыв полностью разрушил активную зону, превратив энергоблок в радиоактивное пепелище. Но Салям-ава рассказывал о другом — о том, что не попадало в учебники физики. Он упомянул городские легенды, рожденные в тени катастрофы. Говорили, что за несколько дней до взрыва работники станции видели в сумерках нечто пугающее: огромную, темную фигуру без головы, с гигантскими кожистыми крыльями и глазами, горящими багровым огнем. Даже когда над руинами полыхало зарево пожара, некоторые клялись, что видели в дыму существо, напоминающее «человека-мотылька».

— Кто знает, — с невеселым смешком заметил Ханзаман-тага, — быть может, это и был собрат нашего Ажыдара, почуявший родственную стихию разрушения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.